

Ах, Самара-городок

Многие люди, кто как-то был связан с искусством, театром, культурой, знали этого человека. Его встречали в кондитерском на Ленинградской, пьющим кофе или вальяжно прогуливающимся по Куйбышевской. Стоило видеть, как он одет. Всегдашний его костюм - это старая слежавшаяся пижама и засаленная майка. Иногда затертые черно-бурые брюки. И вот даже в этих почти отрепьях он смотрелся импозантно. Был старик неимоверно живым. Говорил отрывисто, иногда переходя на визг или на крик. Звали старика Арон Яковлевич Пломпер. В этой же самой пижаме и майке мог он прийти и в драматический театр, ибо слыл самым заядлым театралом нашего города. Он мог себе позволить громко критиковать спектакль, заглушая овации. Рассказывают, что на одном из спектаклей, когда раздались овации, Пломпер громко заорал: "Какая это х...ня!" Этот конкретный случай поведала мне покойная Любовь Ивановна Елшина - тоже страстная театралка, хорошо знакомая с Пломпером.

Арон Яковлевич говорил о ней: "Люба из дворян, а я из троцкистов". Как троцкист, он долго сидел при Сталине. В лагерях сблизился со многими осужденными артистами. Свою принадлежность к троцкистам особо не афишировал, но и не скрывал. Всегда мог сказать: "А Вы знаете, ведь я - троцкист!" Пломперу очень нравилось следить за реакцией человека на это. "Что, живого троцкиста испугались?" - громко вопрошал Арон Яковлевич и разражался гомерическим хохотом. Лия Павловна Унгер (также ныне покойная) рассказывала, как однажды в больнице в состоянии полусна- полубреда Пломпер в течение двух часов читал лекцию о Троцком. Врачи и сестры слушали, онемев от неожиданности. Когда же Арон Яковлевич очнулся, он наотрез отказывался от того, что выступал: "Вы что, разве же можно сейчас говорить о Троцком? Сейчас можно только о Брежнев!" Видимо он, действительно, не мог в это поверить.

Однажды на Ленинградской мне читал: "С нами юный Троцкий, молодой Буденный! Чье это? Как чье? Есенина! Боже мой, уже Есенина не узнал?" "У меня есть Есенин, так там такого нет". "Нет и не будет. Ишь, чего захотел. Вот уже хохмач. Кто ж тебе сейчас это напечатает. Ты думаешь, правду пишут? Жди уде! Вот Есенин ведь не повесился!" "Как не повесился?" "А так. Сережу пук-пук и все. Забили, а мертвого повесили. Вот оно уже как!"

Он же мне рассказывал, как Троцкий защищал Есенина от нападок Бухарина. И вообще, он много говорил о Троцком. По всему видно было, что это его кумир. "Когда в Самару приехал Троцкий, его же встречали с цветами, качали и несли на руках. Троцкий принимал парад самарского гарнизона. Да, что уж говорить, Лев Давыдыч был орел!! Здесь в Самаре много троцкистов я знал, все они при Сталине... - Арон Яковлевич заплакал... - в мясорубку попали. Боже ты мой!"

Я заметил, что Пломпер говорит Самара, а не Куйбышев и спросил: "Почему?"

" Что ты думаешь, чтобы я этого пьянчужку уважал? Нет уже! Вот ему! (и Арон Яковлевич отмерил руку по локоть) Все знают, как он от чехов бежал по крышам. А какой бабник был! Это же просто ужас! Только при Сталине такие присосались, когда настоящую гвардию всю уничтожили".

Я любил его провокационно спрашивать: " А почему среди революционеров так много евреев? Троцкист взвизгивал: " А кладбище?!" "Что кладбище?"- удивился я. " Да знаете, любезный Миша, что самарским евреям в 1909 году под кладбище выделили землю, покрытую толстым слоем навоза, да еще у холерных барачников". "Но ведь Боберман вмешался и исправил несправедливость, а ваши троцкисты и его пук-пук". " И правильно, дорогой, всех их, богатеев надо туда. Революционная необходимость."

Так же Арон Яковлевич известен и таким своим чудачеством. Со своей скромной пенсии посылал юбилейные телеграммы великим актерам: Тарасовой, Раневской, Жарову, Бабочкину...Рассказывают, что однажды, в состоянии очередного залеты, он послал телеграмму на Новодевичье кладбище Станиславскому:" Встаньте, голубчик, посмотрите, как тут без Вас театр!"

Он же, когда Игоря Ильинского выдвинули на соискание Ленинской премии послал Брежневу телеграмму протеста- нельзя давать Ильинскому премию, так как Ильинский с Царевым посадили Мейерхольда.

Однажды иду вечером по Набережной и слышу с соседней аллеи: " И вот они, с-с-собаки, донесли- таки на Мейерхольда. Это сволочи, а не люди. Даже уже хуже, чем сволочи. Пришли к Станиславскому просить подписаться против Мейерхольда, а он их с лестницы спустил- и Ильинского, и Царева". Сквозь кусты я увидел светящуюся в сумраке огромную лысую голову. Подошел: " Вот! Я ему рассказывал! - указал на меня Пломпер своему собеседнику.- Я ему уже рассказывал про этих сволочей. Эх, пижама моя совсем порвалась! Что же уже делать?" Мне стало смешно от того, что старик перешел от высокой патетики к будничной проблеме одежды. " Что смеешься? Мне же надо уже в чем-то ходить!" И тут же перешел опять на театр:" Был такой Свечеревский в нашем театре. Такой же был талант. При Сталине сгорел. Угробили такого человека".

Я знал, что Арон Яковлевич давно занимался историей самарского театра и много в этой области знает. Интересно было послушать его очередной экскурс в историю, но старик перекинулся к современности и бурно жестикулируя стал кричать:" Вот Петя крутится, как белка в колесе. Но Боже ж мой! Разве же это Мейерхольд? Разве же это Таиров? Разве же это Михаил Чехов? Эх-хе-хе!"- и тяжело вздохнул.

Мы поднялись наверх и разошлись в разные стороны Куйбышевской. Я оглянулся и (как оказалось, в последний раз) увидел этого человека. По вечерней улице развевалась ветхая одежда и сиял в лунном нимбе огромный лысый череп. Троцкист в рваной пижаме уходил в ночь. В вечность. В историю.